

События, описываемые в романе, — литературный вымысел. Некое сходство с действительностью рекомендуется воспринимать как случайное совпадение фантазии и реальности.

От автора

Глава I

Все мы мудры задним умом. Конечно, я не должен был оставлять Валерку одного. Это был тот самый случай, когда своим желаниям надо наступить на горло. Он попросил меня о помощи, а я скривил лицо и с ходу придумал причину отказа. Судьба тотчас воспользовалась трещиной между нами и подтолкнула Валерку к месту казни.

Но в ту ночь я даже предположить не мог, что ждет меня впереди. Было около двенадцати, когда я проехал Ангарский перевал. Вокруг творилось что-то ужасное. Яростные порывы ветра стегали лобовое стекло «Крайслера» косыми розгами ливня, отчего машина — двухтонный универсал — дрожала всем корпусом, словно стояла под тяжелыми струями водопада. Свет фар выхватывал миллиарды дождевых капель, со страшной скоростью несущихся мне навстречу. Призрачные стволы деревьев раскачивали черными кронами с такой силой, что листва сыпалась с них, словно стояла глубокая осень. Молнии сверкали одна за другой, напоминая гигантскую лампу, у которой было не все в порядке с контактом. Исполинское тело горы Чатыр-Даг, освещенное вспышками, нависало над шоссе, утяжеляя и без того мрачный пейзаж.

Я убрал ногу с педали газа. «Дворники» не успевали разгребать поток воды с лобового стекла, и оно было прозрачным не более, чем первый тонкий лед на озерах. Не хватало

еще вылететь на повороте с дороги, подумал я, глядя в мутную мглу.

Подсветка приборной панели вспыхнула мягким зеленоватым светом. Я вынул из держателя и поднес к уху мобильный телефон. Это надо было сделать еще в аэропорту, с опозданием подумал я, набирая номер. Кнопки мелодично отозвались под моими пальцами. Раздался длинный гудок, а затем ответил далекий женский голос.

— Зинаида Васильевна, — сказал я, поддерживая трубку плечом и переводя рычаг скоростей на более низкую передачу, — по всем фронтам — отбой. Из-за погоды самолет не прилетел.

Я знал, как домработница отреагирует на эти слова, и, не перебивая, дал ей возможность выплеснуть эмоции.

— Не прилетел! И что мне теперь прикажете делать? — начала сокрушаться женщина. За ее словами стоял шипящий фон. Это были не эфирные помехи, а потрескивание кипящего масла на сковороде или в сотейнике. — Я уже стол сервирую. Осетрина почти готова. И что теперь? Все в помойку?

— Продукты положите в холодильник, в гостиной откройте окна и идите домой, — ответил я.

— Вы что! — возмутилась женщина. Было слышно, как она двигает кухонную утварь. — Окна открыть! Хотите, чтобы шаровая молния влетела?

Это была очень милая женщина. Она все принимала близко к сердцу и относилась ко мне как к ребенку. Иногда я уставал, подолгу общаясь с ней, но ее мягкий правоучительный прессинг давал ощущение защищенности. Рядом со мной не было другого человека, который бы так трогательно и искренне заботился обо мне.

— Хорошо, — вздохнула домработница. — Я все уберу в холодильник. К утру осетрина будет похожа на сырой гипс, а питу откажется есть даже Мадера. Заверяю вас, что так и будет. Вы наверняка промокли с ног до головы...

— Ничуть...

— Не спорьте! — перебила меня женщина. — Ваш геро-

изм никому не нужен. Потрудитесь сразу же переодеться в сухое и выпить водки с календулой. Обещаете?

— Обещаю, — ответил я, отключая телефон.

Редкое явление — синоптики не ошиблись. Я получил телеграмму от Валеры Нефедова сегодня днем, за восемь часов до того, как он должен был прилететь в Симферополь московским рейсом. Погода была отличная, и я не придал значения предупреждению Гидрометцентра о приближении мощного грозового фронта. Когда я приехал в аэропорт, небо уже открыло все свои кингстоны, и огненные трещины молний смешались с дождевой водой в дьявольском коктейле. Аэропорт закрыли. В справочной мне сказали, что самолет из Москвы не вылетел и до утра вряд ли поднимется в воздух.

Я бы остался ночевать на стоянке аэропорта в своем «Крайслере», задние сиденья которого легко превращались в удобное ложе, но был уверен, что Валера не станет ждать погоды и коротать ночь в зале ожидания Внукова. Как всякий нормальный фээсбэшник, Нефедов не умел понапрасну транжирить время. Он наверняка сдал билет и пересел на поезд.

Красные огни габаритов идущей впереди машины вспыхнули глазами ночного хищника и стали быстро приближаться. Сквозь мокрое стекло они казались звездами с тонкими длинными лучами. Машина — кажется, это была темная «семерка» — тормозила на мокром асфальте слишком резко, и я мысленно выругался, вдавливая ногу в педаль тормоза. Сработала антиблокировочная система, педаль под моей ногой часто задрожала. Я опустил боковое стекло и высунул голову, чтобы дать водителю «семерки» добрый совет о правилах торможения на скользкой дороге. Но «семерка», остановившись всего на секунду, снова рванула вперед, быстро отрываясь от моего «Крайслера».

Только тогда я увидел стоящего на обочине человека. По-видимому, он голосовал проходящим машинам, причем безуспешно, так как уже был мокрым насквозь и успел продрогнуть до самых костей, о чем убедительно говорила его

скомканная поза. Попутчикам я всегда помогал по мере возможности, отдавая предпочтение туристам и пожилым людям, и, продолжая притормаживать, медленно подкатил к человеку.

Когда фары осветили его полностью, как артиста на сцене, мне стало понятно, почему водитель «семерки» не посадил его к себе. Это была девушка лет двадцати пяти, высокая, почти с меня ростом, с очень темными, налившимися на лицо волосами до плеч. Она была крепко сбита: развитые, отчетливые формы подчеркивали физическую силу и хорошее здоровье. Одета она была в бежевую футболку и тесную короткую юбку. Девушка стояла в луже босиком, придерживая края порванной на груди футболки. На коленке темнела свежая ссадина, бок юбки был выпачкан в глине. Но более всего меня поразило ее лицо. Ее темные, блестящие в свете фар глаза выражали беспредельный ужас и отчаяние, подбородок мелко дрожал; девушка судорожно раскрывала рот, пытаясь что-то крикнуть, отчего казалось, что она задыхается и из последних сил хватается губами воздуха.

Я остановил машину рядом с ней, понимая, что не могу, подобно водителю «семерки», дать газ и умчаться от этого ночного привидения. Прежде чем опустить боковое стекло, я нащупал бейсбольную битку, которая лежала слева от моего сиденья. Если девушка была не одна и кто-то намеревался нехорошо пошутить со мной, то я был готов выскочить из машины и пройтись дубинкой по ребрам.

Стекло с тихим жужжанием опустилось вниз. Девушка, вопреки моему ожиданию, не кинулась к окну с криком: «Шеф! До Ялты не подкинешь?» Она продолжала стоять в прежней позе, не сводя с меня глаз, и часто дышала. Я потянулся рукой к запору и открыл дверь.

— Тебе куда? — крикнул я. Раскаты грома и шум ливня почти заглушили мои слова.

— Ради бога... — едва слышно ответила девушка. Подбородок ее стал дрожать еще сильнее. — Куда-нибудь далеко... пожалуйста, отвезите меня...

«Или пьяная, или дурная», — подумал я и кивнул на си-

день. Ерунда, что мокрая и немного грязная. Кожаная обшивка легко очищается мыльной пеной. А благие поступки хоть изредка, но совершать надо.

Девушка, однако, стыдилась своего вида, что несвойственно пьяным или ненормальным. Она, как приبلудная собачонка, юркнула в салон, села на край кресла, по-прежнему придерживая обеими руками рваные края футболки. Половничка она коснулась лишь пальцами ног, словно была обута в невидимые хрустальные туфли на высоких каблуках, плотно свела вместе колени и застыла, безотрывно глядя в темное стекло, по которому, словно стрелки метронома, носились щетки.

Я заблокировал дверные замки и тронулся с места, ища поглядывая на странную попутчицу. «Вроде не пьяная», — подумал я, включая подогрев сиденья и обдув теплым воздухом.

— Я еду в Ялту, — сказал я, на всякий случай давая понять, что на развитие отношений не претендую. — Могу посадить на автостанции. Или у гостиницы «Южная» на Свердлова. Там недалеко до порта.

На мой вопросительный взгляд девушка не ответила, лишь едва заметно кивнула и опустила обе ладони на панель перед собой, широко растопырив пальцы. Я не люблю ездить с незнакомыми людьми молча. Это угнетает. Коснулся пульта управления магнитолой, добавил звука. Салон наполнился мощным голосом Кабалье.

— Замерзла? — попытался я вытянуть попутчицу на разговор и, заведя руку назад, стянул с заднего сиденья плед. — Накройся.

— Спасибо, — шепнула девушка, подтягивая край пледа к подбородку.

«Тебя бы отмыть, — подумал я, — высушить, сделать макияж, прическу и одеть в вечернее платье, тогда я, пожалуй, накормил бы тебя ужином в «Ореанде».

— Что это тебя на перевал в такое время занесло? — спросил я и, помогая девушке солгать, добавил: — Туристка? От группы отстала?

Но незнакомка спасательным кругом не воспользовалась и отрицательно покачала головой.

— Вы врач? — тихо спросила она и, подняв глаза, взглянула на меня.

— Увы! А тебе нужен врач?

— Не знаю, — после паузы ответила девушка и снова уставилась в окно.

«Если не знает, значит, ничего страшного, — подумал я. — До Ялты не умрет».

— Выпить хочешь? — вспомнил я о начатой бутылке отворотительного виски, лежащей в «бардачке», которую уже второй месяц не мог прикончить.

Она опять отрицательно покачала головой.

— Похоже, что тебя слегка побили, — сказал я то, что было очевидно. — Может быть, отвезти тебя в больницу?

Девушка повернула голову в мою сторону, и я снова увидел страх в ее глазах.

— Нет, — ответила она без колебаний и тише добавила: — Пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чем... Если хотите, я выйду здесь.

Я сам не понял — угадала она мое желание или нет. Но, как бы то ни было, я не мог указать ей на дверь. Мы проезжали совершенно пустынный отрезок шоссе, где не было ничего, кроме бесконечного строя буковых стволов и черных, пропитанных влагой крон, которые покрыли склоны гор, словно выброшенные на берег водоросли. Да и никакой веской причины не было, чтобы высаживать девчонку на обочину под ливень. Нервная, пережившая какое-то потрясение, она хотела только того, о чем попросила, и ничего более. Мое сочувствие и желание ей помочь пугали незнакомку не меньше, чем ночная буря.

Я мысленно плюнул на ее проблемы и принялся вполголоса подпевать Монтсеррат. Дорога пошла под уклон, поворот следовал за поворотом, и я все внимание сосредоточил на черной лоснящейся ленте шоссе. И не было ничего удивительного в том, что я на некоторое время упустил девушку из поля зрения. Когда машина проскочила указатель на Лаван-

ду и покатила по прямой, с шумом разбрызгивая во все стороны лужи, я опять взглянул на попутчицу.

Сначала мне показалось, что она уснула, убаюканная теплом печки и моим колыбельным бормотанием. Глаза незнакомки были закрыты, голова запрокинута назад, руки безвольно опустились на колени, отчего край пледа сполз, обнажив под рваной футболкой загорелую грудь без белого следа от лифчика. Но как только я притормозил перед очередным поворотом, девушка маятником наклонилась вперед, ее голова стукнулась о панель и вся она стала заваливаться на меня.

— Эй! — крикнул я, не слишком уверенный, что таким способом мне удастся привести ее в чувство. — Пожалей свою голову! Тебе плохо?

Ее волосы налипли на мои руки, плечи застряли между мной и рулем, что очень затрудняло управление, и мне ничего не оставалось, как остановить машину, открыть дверь и выскочить под ливень. Через несколько секунд я был мокрым с ног до головы, словно искупался в море одетым.

Девушка ничком лежала на обоих сиденьях. Рычаг переключ передач упирался ей под ребро, и я подумал, что боль, которую он ей причинял, должна была сразу же привести ее в чувство. Но девушка не подавала признаков жизни и своим бездействием легко загнала меня в тупик. «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным», — подумал я и провел ладонями по мокрой крыше машины, чтобы охладить их.

Она по-прежнему оставалась неподвижной, несмотря на то что я отчаянно шлепал ее по щекам. Менее всего я был готов к такому повороту событий и, основательно сбитый с толку, растерянно посмотрел по сторонам, надеясь, что кто-нибудь остановится рядом и поможет. Раскрыв аптечку, я уставился в инструкцию пользователя, состоящую из десятка страниц мелкого текста. Размером со средний чемодан, аптечка была укомплектована таким количеством лекарств и средств, словно предназначалась для ликвидации последствий ядерной войны. Я взял в ладонь горсть пилюль, мензурок, упаковок с пластырями и в сердцах швырнул их обрат-

но. Пока я отыщу здесь нашатырный спирт, моя бедолага окоченеет.

Словно передразнивая гром, я принялся рассыпать проклятия и ругательства. Обошел машину, с силой шлепая по воде, которая текла по асфальту мелкой рекой, открыл дверь со стороны беспомощного существа и стал опускать спинку кресла. После этого я положил девушку так, чтобы можно было пощупать пульс, послушать сердце и поднести к губам зеркальце.

К счастью, она была жива, хотя пульс едва прощупывался, а дыхание было настолько слабым, что зеркальце запотело скорее от моего дыхания, чем от ее. Я снова принялся шлепать незнакомку по щекам, так как никакой другой способ реанимации мне в голову не приходил. Как ни странно, это возымело действие, и некоторое время спустя я услышал слабый стон.

— Где болит? — громко спросил я, впрочем, без всякой надежды на то, что смогу получить вразумительный ответ и тем более поставить диагноз. — Ты меня слышишь, подруга? Ты же мне сердце посадишь!

Если ее побили настолько крепко, что она вырубилась как в кокауте, то у меня было очень много шансов привезти в Ялту остывающий труп. Нетрудно представить, чем это могло обернуться для меня. Серьезные проблемы с милицией отняли бы слишком много нервов и времени, которыми я весьма дорожил. Помимо этого, мне было жалко несчастную, и я искренне желал ей семейного счастья и долгих лет жизни.

Прикрывая ладонью лицо от беспощадных ударов дождя, я вернулся за руль и насколько мог быстро помчался по шоссе вниз, всматриваясь в дорожные знаки. Поворот следовал за поворотом, и в лучах фар вспыхивали только ограничители скорости. Я с тревогой поглядывал на свою горемычную попутчицу. Голова ее безжизненно каталась по подголовнику, волосы спутались окончательно, тонкая прядь застряла между полураскрытых губ. Лицо ее, слабо освещенное приборами и датчиками, отливало мертвенно-блед-

ным светом. Я схватил ее за руку и сжал запястье. Мне показалось, что пульс не прощупывается.

В этот момент за окном мелькнул голубой знак с символическим изображением вигвама. Наконец-то! — с некоторым облегчением подумал я, сворачивая с дороги по стрелке. В кемпинге должен быть врач.

Еще несколько метров я катился в полной темноте по размытой грунтовке, присыпанной гравием. Камни и комья глины, налипшие к колесам, стучали по днищу автомобиля. Освещенная фарами дорога селом плыла под колеса. Я еще раз свернул перед ржавым знаком с полустертой надписью «АВТОТУРИ» и проехал через распахнутые настежь ворота.

Трехэтажный дом гостиничного типа, окруженный плотной стеной кипарисов, казался заброшенным и безлюдным. Ни в одном окне не горел свет, темнота царила у подъезда и на асфальтовой площадке для машин. На малом ходу я сделал круг по площадке, всматриваясь в черные окна кемпинга, и уже был готов от досады ударить по кнопке сигнала, как увидел припаркованный у парадной лестницы легкой автомобиль.

Я затормозил рядом, заглушил двигатель и выскочил наружу. Едва не разбив голову о невидимую стеклянную дверь, я зашел в темный, как подвал, вестибюль, встал посредине, с трудом различая смутные контуры стойки, диванов и кресел, и громко спросил:

— Есть кто живой?

Впереди, за стойкой, послышался шорох, а вслед за ним вспыхнул желтый огонь. Теперь я мог дойти до стойки без опасения споткнуться о журнальный столик или перевернуть кашпо с пальмой. Пожилая женщина подносила пламя зажигалки к фитилю керосиновой лампы.

— Вы администратор? — спросил я ее.

Мне казалось, что на мой взволнованный тон и частое дыхание женщина должна была отреагировать как-то особенно, но она, медленным движением подкручивая фитиль, тихо и спокойно ответила:

— Да... Я администратор. А что ты хочешь?

— Мне нужен врач! — ответил я. — Срочно!

Возникла недолгая пауза. Администратор, отбрасывая от себя на стену большую ломаную тень, тихонько хихикнула, поставила лампу на стойку и сказала:

— Что ты, роденький! У нас директор вместо прачки работает, ни дотаций, ни прибыли, а ты говоришь — врач... Вот, опять свет отключили.

Глава 2

Она ничего не поняла. В ее глазах я выглядел ночным бродягой, который случайно забрел в кемпинг и от скуки начал нести какой-то вздор. Пришлось объяснить свою просьбу другим тоном. Я оперся локтями о стойку и, глядя на затемненный профиль администраторши, отчетливо произнес:

— У меня в машине умирает человек. Срочно нужен врач. Вы, как должностное лицо, обязаны помочь мне.

— Ничего и никому я не обязана, — тотчас ответила женщина. Могло показаться, что она не слушала меня, думая о чем-то своем.

Мое терпение лопнуло. Я с грохотом опустил кулак на стойку.

— Где директор кемпинга?

— Дома, — безучастным голосом отозвалась женщина, переключившись с места на место толстые и потрепанные журналы.

— А дом где?

— В Ялте. Но директор, чтоб вы знали, тоже лечить не умеет.

Она вздохнула, поставила керосинку на стойку так, что наполненная пламенем колба оказалась между нашими лицами, и добавила:

— Если у вас там в самом деле кто-то умирает, то везите его скорее в больницу. До Алушты полчаса езды.

— Если бы я был уверен, что доведу, — сквозь зубы процедил я.

— Это ваши проблемы. Чем я могу помочь?

Она была права. Тысячу раз права! Ее душа, зачерствевшая от хронической нищеты, уже не могла бескорыстно расщедриться даже на сострадание. Ее приучили платить едва ли не за каждый вздох, и теперь она хотела денег, прежде чем начать нормально разговаривать со мной.

Я сунул руку в задний карман брюк, раскрыл бумажник и вытянул несколько купюр.

— Сейчас я позволю в «Скорую», — тотчас преобразилась администратор. — Может быть, она сможет выехать вам навстречу... А что случилось?

Она крутила диск телефона. Связь все время срывалась, женщина нервничала, не попадала пальцем в нужные цифры.

— Марина! — крикнула она кому-то в темноту. — Неси сюда аптечку!

Я не знал, как объяснить женщине, что случилось с моей попутчицей. Проблема, которая требовала незамедлительного решения, выросла до угрожающих масштабов. Я, конечно, допустил ошибку, что заехал в кемпинг. Надо было гнать до Алушты, но мне очень хотелось скинуть внезапно возникшую проблему на чужие плечи, в крайнем случае разделить ее с кем-нибудь.

В фойе вбежала неуклюжая женщина и принесла с собой запах хлорки. Она поставила на стойку коробку из-под обуви. Администратор придвинула к коробке лампу. Она делала сразу три дела: продолжала накручивать телефонный диск, перебирала содержимое коробки и спрашивала меня:

— Так что там с вашим умирающим? Сердце? Марина, у нас, кажется, был валидол?..

«Не дай бог, — подумал я, — оказаться на месте погибшей девчонки среди таких же беспомощных людей, как я и эти бабы. Никаких шансов на спасение!»

Надо было начать действовать, делать все, что я мог.

— Найдите в справочнике номер первой горбольницы, — приказал я. — Звоните, пусть готовят бригаду реани-

маторов. Скажите им, что сильно избили девушку, она без сознания.

— Хорошо, хорошо! — с нескрываемым облегчением ответила администратор. Она обрадовалась, что ей больше не придется отрабатывать деньги.

Я повернулся и бегом устремился на улицу. Ливень с неслабевающей силой продолжал сотрясать жестяную крышу подъезда и плоскими струями стекал на ступени. Когда я открыл дверь машины и посмотрел на девушку, то стало ясно, что ее состояние ухудшается намного быстрее, чем я предполагал. Она уже лежала на животе, голова ее безжизненно свисала с сиденья, и с губ на коврик срывались крупные капли крови.

У нее открылось легочное кровотечение! Девчонка не выдержит дорогу с перевала до Алушты, на этот счет у меня не было уже никаких сомнений. С ужасом я понял, что теперь только от меня зависит, будет несчастная жить или нет. Подняв ее на руки, я вынес девушку из машины и кинулся в фойе, ногами распахивая перед собой двери.

— Холодной воды! — закричал я с порога. — Быстро! Простыню! Полотенце!

Марина, пахнущая хлоркой, и администратор, отбрасывая на потолок демонические тени, кинулись в коридор. Кто-то из них барабанил каблуками, кто-то шаркал тапочками. Шума было много. Я опустил девушку на диван и шагнул к стойке, чтобы взять керосинку. В этот момент мне в глаза ударил луч света.

— Что здесь случилось? — услышал я мужской голос. — Я врач. Моя помощь нужна?

Это была манна небесная. Я испытал удивительное чувство: словно сидел за штурвалом вошедшего в штипор самолета, и тут рядом объявился опытный летчик и попросил подвинуться.

Я поднял лампу над головой. Желтый лепесток пламени скупо осветил молодого мужчину лет тридцати, худощавого, с ровным высоким пробором, от которого в стороны расходились волны коротких смоляных волос. Крупный и не-

сколько длинный нос придавал лицу хищное и строгое выражение. Глаза его были круглыми, одинокими на лице, отчего напоминали два торфяных озера посреди степи — ни надбровные дуги, ни скулы не отягощали их. Одет он был в спортивный костюм, в какие любят рядиться рыночные торговцы, причем, одеваясь на ходу, еще застегивал «молнию» куртки.

Я кивнул на диван. Врач перевел на него луч своего фонарика, быстро подошел к девушке, осветил ей на лицо, на мокрую рваную майку и протянул фонарик мне.

— Что с ней? — коротко спросил он, опускаясь на колени и сильным движением разрывая майку, оголяя девушке грудь.

Я в двух словах пересказал события последних сорока минут. Врач щупал пульс на безжизненной руке, приподнял веки, давил пальцами мягкий живот. Расплескивая воду, в фойе вбежала Марина с тазиком в руках.

— Вы просили воду? — спросил меня врач и отрицательно покачал головой. — Нет, вода не нужна.

— Я думал, у нее открылось легочное кровотечение, — объяснил я.

— Она прикусила язык, — ответил врач. — Глубокий обморок, вызванный, наверное, сильным душевным потрясением. Ее надо согреть, растереть водкой, напоить горячим чаем и уложить в постель.

Я понял так, что эти рекомендации надлежало осуществить мне.

— Вы не могли бы мне помочь?

— Ни о чем не беспокойтесь, — ответил врач. — Я все сделаю сам.

Он почувствовал мой недоуменный взгляд, повернулся ко мне лицом, и его тонкие губы дрогнули.

— Всю ответственность я беру на себя. Это мой долг. Можете с чистой совестью ехать дальше и ни о чем не беспокоиться. Спасибо вам.

С нескрываемой радостью я пожал врачу руку. Чувствуя

себя его должником, я вынул из бумажника визитную карточку и протянул ее врачу.

— Очень прошу вас, позвоните мне завтра. Или сразу заезжайте. Я угощу вас «Алуштой» тридцать седьмого года. Вы один или с семьей?

Врач, пожимая мою руку, не смог подыскать подходящего ответа на мой вопрос и повторился:

— Спасибо вам. Всего хорошего! Ни о чем не беспокойтесь!.. И еще, пожалуйста! Помогите мне отнести девушку в мою комнату, а я пока открою дверь.

Я с охотой принялся выполнять его просьбу. Едва я поднял девушку на руки, как администратор из темноты напомнила о том, что деньги, которые я ей дал, давно отработаны:

— Вообще-то я не имею права пускать в кемпинг на ночь постороннюю без регистрации и оплаты.

Врач в это время уже скрылся в коридоре, освещая путь фонариком, и слова женщины могли быть адресованы только мне. Опасаясь, как бы это сокровище, которое я нес на руках, опять не вернулось ко мне, я безоговорочно принял условия.

— Я заплачу за нее! И за регистрацию, и за простыни, и за таз с водой!

— Сюда, пожалуйста! — крикнул мне из коридора врач.

Я шел медленно, боясь ненароком споткнуться о какой-либо предмет или задревший кусок линолеума. В торце коридора по стенам и полу бегал световой круг. Врач уже широко распахнул дверь своего номера.

— Осторожнее! — громко сказал он. — Слева от вас на полу стоит ведро... И не ударьте ее, пожалуйста, головой о косяк.

Не успел я подумать о том, что наша полуночная возня и громкие голоса вряд ли понравятся другим обитателям кемпинга, если, конечно, кроме врача, здесь кто-то еще ночевал, как вдруг напротив распахнулась дверь и в проеме со свечой в руке показалась рослая дама в черном халате. Некоторое время она молча переводила взгляд с врача на меня

и обратно, затем тихим голосом, с сильным акцентом, спросила:

— Что происходит, Виктор?

— Мама, идите спать, — подчеркнуто вежливо ответил врач и прижался спиной к двери своего номера, чтобы мне легче было пройти.

Я занес девушку в комнату и остановился рядом с единственной кроватью со скомканным одеялом и примятой подушкой.

— Да, да! — подхлестнул мою нерешительность врач. — Кладите ее прямо на постель.

— Виктор, кто эта девушка? — раздался за моей спиной голос дамы.

— Это моя пациентка, мама. Пожалуйста, идите спать, — с очень хорошо замаскированным раздражением ответил врач.

Теща? — сам себе задал я вопрос, выпрямился, оставив свою ношу на постели, и только сейчас почувствовал, как затекли руки.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил меня Виктор. — Всего вам доброго! Я позвоню!

Он вежливо поторачивал меня, что, собственно, необязательно было делать. Задерживаться здесь у меня не было никакого желания, и я уже просто мечтал скорее приехать домой, загнать машину в гараж, принять душ и забраться под одеяло.

— Простите, молодой человек, — неожиданно остановила меня на пороге дама. — Это ваша девушка?

Только сейчас я внимательно рассмотрел «тещу». Это была высокая, смуглая, с правильными чертами лица женщина зрелого возраста. Голову ее венчала высокая прическа из черных волос, длинные черные ресницы и густо подрисованные брови невольно заставили меня сравнить ее то ли с цыганкой, то ли с армянкой. На пальцах ее рук, которыми она придерживала края халата, поблескивали золотые кольца и перстни — много, едва ли не на каждом пальце. От дамы исходил крепкий запах дорогих терпких духов.

— Мама! — не дал мне раскрыть рта Виктор. — Этот молодой человек оказался здесь совершенно случайно. Он просто мне помог.

Дама почему-то не удовлетворилась этим ответом. Я почувствовал, как она крепко взяла меня за руку.

— Послушайте меня, — быстро заговорила она, прожигая меня своими черными глазами. — Мой сын очень занят. У него завтра очень много работы. Я вас прошу — отвезите эту девушку в больницу. Я вам заплачу. Хотите сто долларов?

Позже, когда я вспоминал об этом эпизоде, мне хотелось рвать волосы на голове от досады. Спустя месяц эта странная ночная сцена уже представлялась мне настолько фальшивой игрой, что даже ребенок без труда смог бы разгадать, кто и какую играет партию. В моей голове не укладывалось, как же я проглядел очевидное, почему не расставил всех действующих лиц ночного происшествия по законам логики на свои места и не просчитал их дальнейшие действия!

Но все это озарение пришло позже, а пока я стоял в темном коридоре и не знал, кого слушать. С одной стороны меня атаковала дама, с другой — врач Виктор.

— Мы вас не знаем, — жестким голосом, делая многочисленные паузы между фразами, говорила дама. — Кто вы такой? Почему подсовываете моему сыну какую-то... У меня даже слов не находится!

— Идите, я вас умоляю, — шептал с другой стороны Виктор и подталкивал меня в спину.

— Имейте в виду, я вызову милицию! — перешла к угрозам дама. — Виктор! Неужели ты не видишь, что тебя хотят впутать в грязную историю! Немедленно потребуй, чтобы эту девушку вынесли из твоей комнаты!

— Мама! — проявляя удивительное терпение, ответил Виктор. — В нашей стране врачи обязаны оказывать помощь пострадавшим. Было бы лучше, если бы вы ушли к себе.

— Ты берешь на себя слишком много ответственности. Сделай ей противошоковый укол, и пусть молодой человек немедленно увозит ее в больницу.

— Нет, она останется у меня! — возразил Виктор и снова подтолкнул меня в спину. — Да идите же вы!

— Виктор, запиши номер его машины! — с удвоенной энергией стала давить на сына дама, чувствуя, что теряет меня. — Проверь его документы!..

— Обязательно позвоните мне утром! — еще раз напомнил я врачу и, протиснувшись между дамой и Виктором, быстро пошел к выходу. Администратор не забыла взять с меня деньги за проживание девушки, потом очень долго искала сдачу, сетуя на то, что таких крупных денег отродясь не видела, и тогда я понял, что за благородные поступки надо платить сполна. Не дождавшись сдачи, я пулей вылетел из фойе под дождь и только там снова почувствовал себя свободным и счастливым.

Хорошая у этого Виктора мама, подумал я, вытаскивая из салона резиновый коврик с каплями крови и опуская его в лужу. С такой мамой никогда не вляпаешься. Самое удивительное заключается в том, что и она, и я чувствуем нечто очень схожее: девушка появилась здесь не одна, за ней тянется дурно пахнущий след. Какая сильная интуиция! А врач — перед таким голову преклонять надо. Интересно, позвонит он завтра или нет?

Отмытый в дождевой воде коврик я сунул под педали и сел в салон. Включил лампу внутреннего освещения, посмотрел на сиденья, заглянул под них, проверяя, нет ли в машине каких-нибудь посторонних предметов. «Завтра утром на всякий случай отгони машину на мойку, — подумал я, запуская двигатель. — Пусть сделают химчистку салона по полной программе. Все будет хорошо. Можно надеяться, что мое благодетельство не выйдет мне боком».

Успокоив себя, я вырулил на шоссе и погнал в Ялту. По дороге меня остановил гаишник, хотя никакого нарушения не было. Он долго читал мои документы, несколько раз обошел машину, попросил открыть багажник и, возвращая права, спросил:

— По дороге подозрительные люди не попадались?

Я с ходу солгал, что не встретил никого, потому как был

научен опытом: стоит только заикнуться о странной девушке, как потом до утра придется давать показания.

— Будьте осторожны! — предупредил гаишник, прикладывая ладонь к козырьку. — Из воинской части сбежал солдат с автоматом, так что не советую брать попутчиков.

«Моя попутчица уж точно солдатом не была», — с облегчением подумал я, трогаясь с места. И все же настроение было уже не то. Я ожидал провести интересный вечер с давним другом, с которым в восемьдесят третьем топтал афганскую пыль под Кундузом и утюжил животом крепкий пресованный снег на перевале Саланг. Еще утром я снял с книжной полки альбомы, пухлые от серых снимков, заложил в морозильник несколько бутылок водки, поручил Зинаиде приготовить осетрину под винным соусом, заказал сауну с полной программой и, зная хобби Валерки, закачал воздухом акваланги. Погода разрушила все планы да вдобавок подкинула странную девчонку, при воспоминании о которой душа сжималась в комок от ощущения смутной тревоги и приближающейся беды.

Глава 3

Виктор не позвонил, но последующие события заставили меня на некоторое время забыть о ночном происшествии. Рано утром, когда я только вживался в роль главного героя своих остросюжетных сновидений, приперся Валерка. Зинаида открыла ему дверь, даже не удосужившись разбудить меня.

— Кирилл Вацура, вот вам повестка в прокуратуру! — громовым голосом произнес Валерка, нависая над моей кроватью. — Доходы укрываем? Декларации не подаем? А спать спокойно хотите!

Конечно, это было не самым приятным в моей жизни пробуждением от сна, и все же через несколько гадких мгно-

вений душа моя стала петь и плясать. Глядя на друга обалдевшими глазами, я швырнул в него подушку, а следом за ней кинулся в его объятия.

— Черт рогатый! — кричал я, тиская крепкий Валеркин торс. — Где ты болтался всю ночь? Теперь будешь жрать осетрину с привкусом сырого гипса!

Завтракали мы на террасе, откуда открывался чудесный вид на море и порт. Откинувшись на спинку стула, Валера срывал с можжевельного куста, который свечой рос рядом, бугристые шишечки и, растирая их в пальцах, вдыхал пряный запах хвои.

— Джином пахнет, — сказал он.

— Ты перепутал следствие и причину, — поправил я, наливая из серебряного кофейника в чашки кофе. — Это джин пахнет можжевеликом. Разве у вас в ФСБ этому не учат?

Валера, жмурясь, как сытый кот, улыбнулся, при этом губы его, не размыкаясь, вытянулись на пол-лица, а вместе с ними и тонкая ниточка усов с метками седины.

— А я уже не в ФСБ, дружище, — ответил он.

— Это для меня новость, — признался я. — Неужели уволился?

— Можно сказать, что так, — уклончиво ответил Валера.

— И чем ты теперь занимаешься? Бизнесом? Политикой? Или пишешь мемуары?

— И тем, и другим, и третьим понемногу.

— Ты, как всегда, многозначительно немногословен.

— Постой! — рассмеялся Валера, делая глоток кофе. — Я запутался, чего много, а чего немного?

Я хорошо знал его манеру. Прежде чем перейти к серьезному разговору, Валера всегда несколько минут «разминался» ничего не значащей болтовней. Я терпеливо смотрел, как Валера встал из-за стола, неторопливо подошел к двери, ведущей в мой кабинет, и прикрыл ее. Затем вернулся к перилам террасы, облокотился на них и посмотрел вниз.

— Четыре метра отвесной бетонной стены, обвитой плющом и покрытой скользким мхом, — прокомментировал

я. — Как-то я забыл дома ключи, а Зинаида уже ушла. Пытался подняться при помощи веревки с петлей — ничего не вышло. Упал и сломал ногу собаке, которая в это время пробегала подо мной.

Валера повернулся к столу. Лицо его уже было серьезным.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он, садясь на свое место.

Я развел руками, мол, какой разговор, я всегда готов тебе помочь.

— Для начала прочти это письмо, — сказал Валера и вынул из кармана рубашки сложенный вчетверо лист бумаги.

Я развернул его. Текст был отпечатан на принтере, причем издательски мелким шрифтом.

«Уважаемый господин Нефедов! Не имею права называть имя человека, который рекомендовал мне вас в качестве детектива, скажу только, что это один из ваших коллег, с которым вы служили в качестве начальника особого отдела 201-й дивизии. Очень надеюсь на вашу помощь, так как обращаться в официальные госструктуры не могу — дело слишком тонкое, я бы сказала, щепетильное, не терпящее ни шума, ни формы, ни стандартных милицейских лиц, которые ничем не замаскировать. Также не могу подробно изложить суть дела в этом письме — боюсь выдать себя с головой.

Я молода, но мое материальное положение уже обязывает быть начеку и быть готовой к любым формам прессинга, включая шантаж и мошенничество. Несколько месяцев назад мне стало ясно, что некие криминальные структуры уже держат меня на крючке. С того дня моя свобода и степень личного самовыражения уменьшаются с угрожающей быстротой. Я уже многого не могу себе позволить, словно нахожусь в тюрьме или на необитаемом острове. Я чувствую: еще немного, и случится что-то очень страшное.

Простите, но большего я вам рассказать пока не

могу. Все остальное — при личной встрече. В представительстве компании «Олимпия тревел» в Ялте на ваше имя будет забронирован билет и выездные документы. Получить вы их сможете днем 13 июля с.г., за день до отплытия. С собой вам надо будет иметь только загранпаспорт и желание помочь мне.

Аванс причитающегося вам гонорара (50%) я положила на счет сбербанка г. Москвы, оформленный на предъявителя. Сберкнижку отправила заказным письмом. Надеюсь, вы уже получили деньги.

Живу надеждой. Ваша А.».

Я дочитал до конца и поднял на Валеру недоуменный взгляд.

— Так ты решил заняться частным сыском, дружище?

— Она положила на мой счет десять тысяч долларов, — ответил Валера, цепляя вилкой ломтик ветчины.

— Это, конечно, вполне достаточная сумма для того, чтобы кинуться головой вниз со скалы и только потом попытствоваться, вода внизу или камни.

— Это вполне достаточная сумма для того, чтобы уволенный в запас офицер с удовольствием вернулся к своим обязанностям, — на свой лад перекрутил мои слова Валера.

— Не хитри, — погрозил я другу пальцем. — Ей кто-то тебя порекомендовал в качестве детектива. Значит, ты до этого письма уже занимался сыском.

— Вопрос не в этом! — Валера легко вышел из угла, в который я его загнал. — Вопрос в другом. Я предлагаю тебе вместе со мной взяться за это дело. Сумму гонорара, которую, надеюсь, ты уже подсчитал, мы разделим пополам. Неплохой заработок за две-три недели интеллектуального труда?

Чего я не умею, так это отказывать своим друзьям сразу, хотя категорично отрицательный ответ уже был готов. Я прикрыл лицо письмом, перечитывая его еще раз.

— Видишь ли, — произнес я из-за письма, — частным сыском я давно уже не занимаюсь. Завязал навсегда. Ушел в отставку. На пенсию. Умер! Пшик — и нет меня.

Валера поднялся из-за стола, подошел ко мне и вытянул лист из моих пальцев.

— Я часто обращаюсь к тебе с просьбами? — спросил он, пытливо глядя мне в глаза.

— Валера! — покачал я головой, чувствуя, что друг сейчас начнет использовать запрещенный прием, то есть давить на нашу с ним дружбу, на афганские передрыги, на горькую чашу, выпитую вместе до дна, и тому подобное. — Валера, дорогой! Ну-ка прикинь: каждый месяц я получаю по сотне машин из Германии и Франции. Проверка документов, растаможка, предпродажная подготовка, расчеты с поставщиками — все это висит на мне. Работы — выше крыши. Это ты мне лучше помоги, я хоть с завтрашнего дня возьму тебя к себе коммерческим директором.

— Я не умею торговать, — ответил Валера неприятным тоном.

— Не о том говоришь, — махнул я рукой. — С твоей головой грешно быть неуверенным в себе. Всему научишься легко и быстро.

— Я тебя прошу о помощи, — повторил Валера. — Оставь за себя заместителя. В конце концов, должен же у тебя быть отпуск!

Он был удивительно упрям и настойчив! Я испытывал такое чувство, словно на меня прет мощный бульдозер, сметающий все на своем пути огромным ковшем.

— Мне непонятно одно, — сказал я, скользя взглядом по первым строчкам письма. — Чем тебя это дело привлекло? Почему именно за него ты схватился? Тебя обещанный гонорар привлек? Или еще что-нибудь?

— Не столько гонорар, — после небольшой паузы ответил Валера. По его глазам я понял, что он говорит искренне. — Мне просто интересно. Это дело меня завлекло. Я в лепешку расшибусь, но доведу его до конца... Ну как тебе еще объяснить интуицию?

И тут я понял, что надо давить на другую педаль: попытаться убедить Валеру, что дело выеденного яйца не стоит, что автор письма попросту ненормальная.

Я состроил на лице выражение глубокого недоумения.

— Тебя, профессионального гэбэшника, заинтересовали бредни какой-то полоумной барышни? — с нотками негодования воскликнул я. — Обрати внимание на слог, на мотивы! Богатая истеричка, страдающая паранойей, впала в состояние романтического криминализма! Ей всюду мерещатся преступники, и она спит и видит себя в объятиях Мегрэ, Пуаро или Нефедова... Кстати, ты сейчас женат или свободен?

— Это не имеет никакого отношения к делу, — увильнул Валера, тщетно пытаясь вытрясти из кофейника еще хоть каплю напитка.

— Это как раз имеет самое прямое отношение к делу! — категорично возразил я.

Впервые с начала нашего разговора в глазах Валеры вспыхнул неподдельный интерес к моим словам. Но я поспешил праздновать победу.

— Интересная версия, — произнес мой друг. — Я об этом как-то не задумывался.

— Я тебя хоть немного убедил?

— Да, ты убедил меня в том, что это дело действительно очень интересное. И еще: я понял, что не ошибся, предложив тебе сотрудничество. У тебя по-прежнему богатое воображение.

Кажется, я сыграл в свои ворота.

— Ты всерьез принимаешь слова больной женщины? — спросил я.

— Для начала надо убедиться, что она действительно больна, — отпарировал Валера.

— И много тебе на это понадобится времени?

— Мне — много. А с тобой намного меньше.

— Прекрасно! — оживился я, опуская письмо на стол и разглаживая бумагу ладонью. — Тогда я принимаюсь за работу. Начнем с рекомендации. Кто этот таинственный коллега, с которым ты служил в двести первой дивизии?

— Я могу назвать как минимум тридцать человек. И тебя в их числе.

— Почему она не назвала его фамилии? Какой смысл скрывать рекомендателя?

— Я думаю, что этот человек сам просил не называть его имени, — ответил Валера, провожая взглядом Зинаиду, которая собрала со стола чашки и тарелки на поднос и бесшумно ушла. — Согласись, мы не любим подкидывать лишние проблемы своим друзьям и, когда рекомендуем их кому-нибудь, предупреждаем: только не говорите, что это я дал вам его адрес.

Я развел руками и откинулся на спинку стула.

— Валера, дорогой! Эти «лишние проблемы», выражаясь твоими словами, предоставят тебе возможность заработать двадцать тысяч долларов. Мы живем уже в другом обществе, где все решает реклама. Твой анонимный сослуживец, как и я, между прочим, об этом должен был помнить. Если, конечно, он не идиот. Следуя логике, он должен был трижды назвать твоей клиентке свое имя, домашний и рабочий адреса, все телефоны, да еще просить передать тебе привет, да еще легким дружеским намеком претендовать на свою долю из этих двадцати тысяч. Как же! Он поставил тебе богатого клиента! Он же посредник!

— И что ты хочешь этим сказать? — подтолкнул меня к выводу Валера.

— Я хочу сказать, что никакого рекомендателя у этой анонимной барышни не было. А узнать о том, что ты служил в двести первой дивизии, — проще пареной репы.

— Ну и что? — пожал Валера плечами. — Допустим, ты прав. Для меня наличие рекомендации или ее отсутствие не играет существенной роли. Я согласен, что наша барышня упомянула о каком-то моем коллеге лишь с той целью, чтобы уговорить меня помочь ей наверняка, стопроцентно.

Я не пропустил мимо ушей его слова «наша барышня». «Умеет затягивать в сети», — подумал я.

— В таком случае ты должен согласиться, что, поймав ее на лжи один раз, мы должны относиться ко всем остальным ее словам в письме с полным недоверием, — сказал я.

Зинаида принесла пепельницу и спички. Ни я, ни Валера не курили, и мой друг тотчас начал заполнять пепельницу можжевельными шишечками.

— Читаем дальше, — продолжил я, удовлетворившись тем, что Валера не сумел мне возразить. — Твоя барышня пишет, что вследствие улучшившегося материального положения готова к всевозможным неприятностям, но из всех известных человечеству неприятностей особенно выделяет только два: шантаж и мошенничество. Я на ее месте, например, скорее был бы готов к взлому сейфа в офисе, угону «Крайслера», ограблению на улице. Она же опасается шантажа и мошенничества больше, чем насилия. С чего бы это?

— Значит, у нее есть на это основания.

— Правильно! И еще какие основания! Она проболталась, ее уже шантажировали и пытались «обуть». И сейчас ее держат на крючке. Факт преступления налицо, тем не менее твоя барышня не обращается в правоохранительные органы и несет какую-то чушь относительно милицейской формы и выражения лиц. У меня складывается мнение, что она в равной степени боится как криминальных структур, так и правоохранительных органов. Потому что у самой рыльце в пушку.

Я на мгновение замолчал, взглянул на Валеру, чтобы убедиться, правильно ли он меня понимает, и довершил мысль:

— А теперь давай определимся, какую роль отводит тебе это милое и стремительно разбогатевшее создание. Она хочет, чтобы ты защитил ее от некой агрессивной силы и в то же время не слишком пристально глядывался в пушок, налипший на ее рыльце. Как это называется на языке юристов? Укрывательство преступления или содействие преступнику?

— Ну фантазер! — усмехнулся Валера. — Ты сгущаешь краски. Все может быть проще. Например, женщина не хочет обращаться в милицию, чтобы не предать огласке факты морально-этического плана. Могут всплыть любовники, внебрачные дети, супружеские измены, потому она и обратилась к частному детективу.

Он прав, мысленно согласился я и, поддерживая ладонью голову, прочитал концовку письма.